

своих противников так же, как у своих союзников, окончательного удушения всех моральных сил, являющихся в этот час, как всегда, благородством и надеждою мира. Тогда народы привыкнут к рабству. Они потеряют самое чувство и вкус свободы. Религия силы будет преподаваться повсюду, как сегодня в храмах и школах преподается религия справедливости и права.

В укреплении воли к сопротивлению должны принять участие все. Необходимо не только усилить военную мощь, но и организовать защиту «моральных позиций», так как, стремясь добиться капитуляции материальных сил противника превосходством своего вооружения, гитлеровский рейх в то же время пытается сломить и его духовные силы. Чувственно развитому аппарату пропаганды стран диктатуры Франция, Англия, Америка должны противопоставить пропаганду своих идей, своего духа. В организации этой пропаганды для спасения цивилизации, «дѣтьми, строителями и солдатами» которой они являются, без колесбаний должны принять участие и люди интеллектуального труда, люди науки и искусства. «Бывает время, когда поэт должен возвысить свой голос и философ выйти из своего уединения».

Книга Дюамеля—сборник статей о политических событиях. В ней нѣтъ ни поэтического вымысла, ни приключений воображаемых героев, ни всего того, что считается обязательным для художественной литературы. Но мы находим в ней тот же «климат» человечности, памяти о братстве, что и в романах Дюамеля, то «единство нравственного отношения автора к предмету», которое Толстой считал «цементом» всего искусства.

• В. Д.—н

Е. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. — ОГИЗ. Академия Наук СССР. Институт Истории. — 1938.

Это очень увлекательная книга, поучительная во многих отношениях — и не только для юношества. «Научность содержания сочетается с доступностью изложения», — справедливо замѣчает анонимный автор, редактировавший или выпускавший книгу. Справедливо и его замѣчаніе, что книга Е. В. Тарле «дает яркое и убедительное описание героической борьбы русского народа с вражеской интервенцией, сдѣланное на основѣ широкого привлеченія мемуарного и документального матеріала, с использованием также архивных фондов».

Героическая эпопея читается с захватывающим интересом, и внимание не задерживается на неизбежных для всякой работы, выходящей в СССР, приатках и недостатках: на почтительнѣйших ссылках на Маркса - Энгельса - Ленина или тривиальных выпадах против «так называемой «школы» М. Н. Покровскаго». И от научно - исторической работы «заказ» требует непременно отклика и «созвучности» с международной обстановкой и внешне - политической установкой советской власти. Отсюда и подчеркнутая в книгѣ связанность судеб русского сопротивления иноземному нашествію с столь же героическим

сопротивленіем Наполеону испанцев. Отсюда и трафаретно - противорѣчивое сужденіе: всему виной Англія, с ея континентальной блокадой и корыстью, — злой гений Отечественной войны, англійскій комиссар при русской арміи, генерал сэр Роберт Вильсон, «тайно слѣдившій за Кутузовым и доносившій на него царю», который «не терпѣлъ фельдмаршала и по существу был вполне солидарен с этим англійским согладатаем»; а, с другой стороны. — «из всѣх войн Наполеона война 1812 г. является наиболѣе откровенно империалистической войной, наиболѣе непосредственно продиктованной интересами крупной французской буржуазіи».. Отсюда же и противопоставленіе: Россія и — Европа, направляемая Англіей, — что, в свѣтъ новѣйшей политики СССР, пріобрѣтает особую выразительность. «Спасать» ли Европу или... предоставить державам европейскаго континента бороться самим за свое освобожденіе от тираніи завоевателя, а Великобританіи — бороться самой за свое торгово - промышленное верховенство над земным шаром», — так, в изображеніи Тарле, стал вопрос 14 декабря 1812 г., когда маршал Ней, со свитой из нѣскольких офицеров перешел послѣдним через нѣмецкій мост на прусскій берег. На этот вопрос Александр I отвѣчал: «Да, спасать Европу и помогать Англіи», тогда как Кутузов отвѣтил: — «Нѣтъ». Автор — или его редакторы - издатели — с Кутузовым.

Замѣните Наполеона, Александра, Кутузова, другими, современными нам именами, и чтеніе книги окажется актуальнѣйшим — исполненным злободневной политики.

Вся книга пронизана ультра - патриотическим и почти безудержным народническим духом. «Вся, — подчеркивает Тарле, — война против вторгшагося Наполеона была сплошной народной войной. Наполеон подсчитал в своей стратегіи количество своих войск и войск Александра I, а сражаться ему пришлось с русским народом, о котором Наполеон позабыл. Его-то рука и нанесла величайшему полководцу всемірной исторіи непоправимый, смертельный удар». «Алилуйщина» Отечественной войнѣ заставила включить в героическій народ не только «эксплоатируемый класс», но и дворян, купечество, духовенство. Мѣстами изображеніе приближается к примитивной идеализаціи народных 70-х годов, Юзова и др., и возстановливает в памяти характеристику русскаго народа - «богоносца» Достоевским эпохи «Дневника Писателя». Неудивительно, что «Нашествіе Наполеона на Россію» из номера в номер перепечатывается в парижской легитимно - младоросской «Бодрости», почитающей себя в прямом родствѣ с славянофилами!..

При постоянном возмущеніи крестьянства помѣщичьим душевладѣніем, — «без чего не обходился буквально ни один год за все время существованія крѣпостного права». — Тарле подчеркивает «относительную рѣдкость этого явленія для години наполеоновскаго нашествия»: «эти волненія крестьян в 1812 г. были буквально каплей в морѣ сравнительно с гигантским под'емом чувства гнѣва к иноземному хищнику, разорителю и оскорбителю Россіи»..

«Послѣ 1812 г. Россія стала какая-то «новая», вродѣ Москвы, которая дѣлит свою исторію «до француза» и «послѣ француза». С 12-м годом связан и «первый революционный порыв новѣйшей русской исторіи» — возстаніе декабристов 14 декабря 1825 г., — «и не только потому, что нѣкоторые декабристы в 12-м году подняли оружіе за Россію против Наполеона, как в 1825 г. они подняли оружіе за Россію против Николая». Автор позволяет себѣ при этом сдѣлать дополненіе к «ленинской» точной формулѣ: «декабристы пробудили Герцена». Эта «дополнительная формулировка», конечно, — «не имѣет той точности, какую имѣет формула Ленина», но заключается в том, что «двѣнадцатый год в своих ближайших послѣдствіях пробудил декабристов».

Это вѣрно: — «двѣнадцатый год понимался молодыми поколѣніями 1812 - 1825 г. г. и позднѣйшими, как борьба за свободу, как избавленіе от того добавочнаго иноземнаго угнетенія, от тѣх новых цѣпей, которыя нес с собой в Россію Наполеон». Неслучайно и Лев Толстой, задумав писать «Декабристов», оказался вынужден предварительно сосчитать, или написать «1805-й год», как первоначально была озглавлена первая часть «Войны и мира». Но и главное дѣйствующее лицо и герой Отечественной войны — русское крестьянство — имѣло всѣ основанія разсчитывать, что освобожденіе от иноземнаго завоевателя принесет ему в той или иной формѣ свободу и от крѣпостной неволи.

Нашествіе Наполеона разбилось не только о «скифскую» стратегію Барклая и Кутузова, не только о русскія пространства и морозы и героическую стойкость народа; оно потерпѣло крушеніе и из-за грубѣйшей политической оплошности, допущенной Наполеоном. В Россію наслѣдник — и «укротитель» — революціи почему-то не понес идеи свободы, как он имѣл обыкновеніе это дѣлать при завоеваніи южной и средней Европы, гдѣ в итогѣ нашествія иноземцев рушилась феодальная система и слабѣли цѣпи крѣпостничества. Растопчин зло и зря клеветал, когда еще 17 декабря 1806 г. доносил царю, что «словамъ слуг уже ждет Бонапарта, дабы быть вольными». И в 12-м году русское крестьянство не оказалось перед соблазнительным искусом: ради удовлетворенія своего законнѣйшаго социальнаго требованія поступиться или предать не менѣе законные интересы отечества...

М. В.

Итоги выполненія второго пятилѣтняго плана развитія народнаго хозяйства Союза ССР. — Госпланиздат. М. 1939 г., 157 стр., ц. 3 руб.

Книга эта, выпущенная плановой комиссіей при совнаркомѣ, содержит чрезвычайно обильныя и очень цѣнныя данныя по всѣм отраслям совѣтскаго народнаго хозяйства и культуры. Как бы критически ни относиться к совѣтским статистическим данным, — а они этого критическаго отношенія вполнѣ заслуживают, — но, во-первых, иных данных для сужденія о совѣтской жизни у нас нѣтъ, а, во-вторых, совѣтская статистика все же дает общую картину.